

УДК 94 (574): 316.422 «1920/1936» (043)

М.М.Козыбаева

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана (E-mail: koz.mahabbat_85@mail.ru)

Влияние голода 1921–1922 годов на повседневную жизнь городского населения Северного Казахстана

В статье изучена проблема влияния голода начала 1920-х гг. на повседневную жизнь городов Северного Казахстана. Данный регион выбран не случайно, так как именно здесь наблюдались большие потери населения вследствие неурожайных лет и во время гражданской войны. Показано, что города региона активно участвовали в организации помощи голодающим, занимались сбором необходимых средств на ликвидацию последствий голода. Автором дан развернутый анализ архивных материалов и материалов периодической печати, рассказывающих о мероприятиях в городах и уездных центрах, направленных на борьбу с голодом, а также о благотворительных акциях.

Ключевые слова: повседневная жизнь, город, Северный Казахстан, продразверстка, голод 1921–1922 гг., джут, беженцы, комитет помощи голодающим, благотворительность.

Повсеместно в науке считалось, что голоду начала 1920-х гг. подверглось в основном сельское население. Безусловно, село понесло большие потери, но город активно участвовал в организации помощи голодающим, занимался сбором необходимых средств на ликвидацию последствий голода. В этом контексте актуальным для изучения остается вопрос влияния голода начала 1920-х гг. на повседневную жизнь городского населения Северного Казахстана, где голод приобрел большие масштабы. Северный Казахстан являлся крупным аграрным регионом, сильно пострадавшим в годы становления советской власти, а также в период голода начала 1920-х гг., что отразилось на социальном и демографическом облике крупных городов региона: Акмолинске, Кустанае, Кокчетаве, Петропавловске, Павлодаре и др. При подготовке статьи были использованы материалы архивов этих городов, работы ученых-историков Ж.Касымбаева, Г.А.Алпысбаевой [1, 2], Я.К.Духина, И.К.Тернового, С.В.Самаркина [3; 4], а также демографов А.Н.Алексеевко [5], М.П.Малышевой [6] и других. Большую источниковую ценность при изучении данной темы представляли архивные материалы и периодическая печать тех лет, освещавшая на своих страницах кампании по помощи голодающим.

Как известно, летом 1921 г. значительную часть Казахстана поразила засуха, которой предшествовал сильный джут. Он привел к гибели до 80 % скота. В ноябре 1921 г. число голодающих составило 1 млн 508 тыс. человек — 1/3 населения республики; к марту 1922 г. это число увеличилось и достигло более 2 млн 300 тыс. человек. Например, в Западном Казахстане к июню 1922 г. численность голодающих и больных составляла около 82 % от общей численности населения. Декретом ВЦИК летом 1921 г. в число голодающих районов были включены Уральская, Оренбургская, Актюбинская, Бокеевская, Кустанайская губернии. От голода 1921–1922 гг. в Казахстане погибли около 1 млн человек [5; 52].

В северо-западных районах Казахстана голод стал возможным не только в результате стихийного бедствия, но и из-за изъятия продотрядами сельскохозяйственных излишков. В отчете Кустанайского уисполкома отмечалось, что «настроение населения уезда, в особенности за последнее время, резко изменилось в худшую сторону на почве разверстки» [7; 14]. Власти действовали весьма жестоко. «Всех, кто будет мешать в работе по выполнению продразверстки, будем беспощадно устранять с пути» [8], — сообщалось на газетных страницах. В опубликованном в кустанайской газете «Красная

степь» в письме ЦК РКП (б), адресованном в 1920 г. всем губернским комитетам партии, разъяснялось: «Разверстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишков» [9; 1920, № 4]. То есть разверстка указывала на количество продукции, которую следовало изъять у крестьянина. Нередко хлеб забирали у бедняка. Так, в урожайных Семипалатинской и Акмолинской губерниях продотрядами было изъято до 80 % всех излишков, было собрано по продналогу более 4 млн пудов хлеба и 24,5 тыс. пудов масла. Изъятые же продукты — зерно, масло, мясо — отправлялись в пролетарские центры страны — Москву, Петроград, Самару, Казань, Саратов.

Особенно ярко обрисована ситуация в Кустанае, так как здесь, благодаря скученности населения, все проявления голода не ускользают от внимания. Год от года число голодающих увеличивалось. Наиболее сильно голод отразился на переселенцах — беженцах гражданской войны. О размерах голода свидетельствуют такие цифры: на ноябрь 1921 г. всего по району голодающих было 192340, из них по городу — 7436. С каждым следующим месяцем количество голодающих увеличилось на 25 %.

Вымирали целые семьи. Было зарегистрировано пять случаев людоедства и трупоедства. Если в начале 1921 г. основным видом преступлений был угон скота, то уже в марте — убийство людей с целью завладения продуктами. Так, было вырезано все семейство из четырех человек гражданина Паляева, жившего в семи верстах от г. Кустаная, с целью изъятия продуктов питания и одежды [10].

«Известия губкома» в г. Кустанае от ноября 1922 г. в статье «Борьба с голодом» называют главные причины голода: «1) Империалистическая и гражданская войны, когда была оторвана главная рабочая сила, как сельского, так и фабрично-заводского элемента, а с оторванностью ее ежегодное сокращение посевов, разорение сельского хозяйства и закрытие фабрично-заводских предприятий. 2) Засуха прошлых двух лет и сокращение посева до 50 %, постигший урожай, а также массовое появление вредителей сельского хозяйства, уничтоживших во многих случаях посевы» [11; 1922, № 13].

Началось неорганизованное массовое переселение голодающих из других регионов страны, особенно из Поволжья. Беженцы, не имея никакой вразумительной информации, надеялись в кустанайских степях найти спасение, но многие обрели здесь вечный покой. В одной из статей кустанайской газеты «Степь» говорилось: «Теперешнее голодное переселение из поволжских губерний — это, по общему мнению, безумие... Возможно, что сотни, а может быть, и тысячи из менее потерявших голову и просившихся куда попало, спасутся, но большая часть из них, несомненно, погибнет к тому времени, когда на место их вывоза уже придет необходимая помощь» [12; 1921, № 5].

Целые караваны переселяющихся крестьян, первоначально из голодающих губерний России, а затем и местных, ясно указывали, насколько сильно повлиял голод на население. «Красная степь» от 16 июня 1923 г. сообщала: «1921 год, год неурожая взбудоражил кустанайских хлеборобов. Зажиточные и за ними... и бедные начали собираться в погоню за урожаем на Украину» [9; 1923, № 61].

Усиливалось самовольное расселение, с которым государство вело решительную борьбу, о чем сообщалось в том же издании в заметке «К сведению переселенцев»: «Ввиду массовых ходатайств о переселении крестьянского населения в Поволжье и другие местности СССР, Наркомзем объявляет..., что в настоящее время ни в Поволжье, ни в какие-либо местности переселение не открыто и никакого зачисления не производится» [9; 1923, № 48]. Но это не повлияло на самовольные переселения. По этому поводу «Известия Кустанайского губернского комитета» от 25 сентября 1922 г. писали, что на 1922 г. «убыль населения по сравнению 1920 годом выражается в 29 %, из них умерших 9 %, остальные 20 % относятся за счет выехавших из пределов губернии...» [11; 1922, № 26].

Газета «Степь» писала, что «в 1921 году Декретом ВЦИК продовольственный налог с губернии для общегосударственных потребностей был снят» [12; 1922, № 34]. Работа советских органов проводилась в эти дни под лозунгом «Все на борьбу с голодом». Вслед за созданием в августе 1921 г. губернской чрезвычайной комиссии помощи голодающим (Губкомпомгол) были организованы районные, волостные, сельские, аульные комиссии помощи голодающим и волостные комитеты взаимопомощи. На 15 декабря 1921 г. действовали 8 районных, 75 волостных и 363 сельские и аульные комиссии.

Местная периодика отмечала и тот факт, что особенно в связи с коренными изменениями в хозяйстве, сокращением количества скота от голода пострадало казахское население. Так, периодическое издание «Бюллетень 3 Кустанайского съезда Советов» (№ 2 от 4 сентября 1920 г.), публикуя прения по докладу председателя губисполкома т. Тараненко, приводит смелые замечания казахского делегата Байканова, отметившего, что «принцип снабжения семенами не был соблюден», и бедняки (Федоровский район), приехавшие в Кустанай на коровах, уехали ни с чем [13; 1920, № 2].

В течение двух-трех месяцев население оказалось в небывалом бедственном положении. За неимением хлеба многие обращаются к всевозможным суррогатам. По свидетельствам местных газет, «съедается не только самый скот, но и его шкуры. Начинают питаться кошками, собаками, падалью и костями павших животных». Помощь могла быть оказана лишь самая незначительная. Детские дома, больницы, дома собеса в большинстве случаев почти совсем не получали хлеба, обитатели их пухли и в конце концов умирали медленной смертью. Открытые столовые и питательные пункты работали с большими перебоями из-за недостатка хлеба и других продуктов. Несмотря на все усилия, оказываемая помощь далеко отставала от действительной потребности в ней. Смертность достигла небывалых размеров [14].

«Красная степь» писала: «Голодает переселенческий элемент — все эти беженцы гражданской и империалистической войн, голодают почти все активные работники, голодают и вымирают пролетарские группы населения. В январе 1922 г. было 12 голодных смертей, в феврале — 500, в марте — 1500. Вымирают целые семьи. Установлено пять случаев людоедства и трупоедства. С весной на кладбищах выступило из земли большое количество гробов с трупами, похороненными зимой на недостаточную глубину. Ежедневно происходят жаркие собачьи схватки из-за человеческого мяса» [9; 1922, № 67].

По признанию властей, как сообщали местные печатные издания, даже губернская комиссия помощи голодающим (Помгол) была создана только 30 августа 1921 г., хотя мы помним, что «голод ясно обозначился» уже в июле. «Наступившая в это время осенняя распутица, изношенный транспорт с полуголодным скотом не позволили быстро создать комиссии на местах», — признавали в Помголе, представители которого в волостях появились лишь в ноябре. Вот что говорилось об оказании помощи голодающему населению в одной из кустанайских газет: «... учитывая то, что губерния собственными средствами с голодом справиться не в состоянии, Губпомголот с первых же дней стал стучаться во все, какие только можно, двери, требуя немедленной помощи. Но не всегда на стук сразу отворяют, не всегда просимое сразу и дается. Долгое время местные органы Помгола были предоставлены исключительно самим себе...» [12; 1921, № 12].

Вышестоящие власти пытались «привязать» голодающую и погибающую Кустанайскую губернию к более благополучным уездам Акмолинской области — Кокчетавскому и Атбасарскому. Но от шефов, по сообщению «Степи», удалось получить лишь 1800 пудов зерна, которые отправили в Тургай. Лишь к лету 1922 г. пришло 18 вагонов проса и пшеницы из Семипалатинской области. Как констатировал Помгол, «помощь привязанных губерний была настолько незначительна, что едва оправдывала те расходы, которые производились на получение этой помощи» [12; 1921, № 43].

В борьбе с голодом Советская Россия нуждалась в помощи извне, и она это начала признавать. Газета «Степь» за 4 июля 1922 г. пишет: «Голод и вызываемые им ужасные последствия, доходившие на наших глазах до людоедства, нашли отклик сочувствия во многих цивилизованных странах Запада». В заметке сообщалось о деятельности благотворительных организаций, целью которых было «накормить голодающего, не дать ему умереть голодной смертью и поддержать его существование до нового урожая. ... — дать рабочему в руки орудия производства, помочь восстановлению разрушенного хозяйства всей РСФСР» [12; 1922, № 65]. Так, например, свою работу развернула Международная организация помощи голодающим России. В основу ее деятельности положен следующий принцип: «аренда разрушенных фабрик и заводов, снабжение их за свой счет орудиями производства и машинами, нанимать на эти фабрики голодающих рабочих и крестьян и таким образом, с одной стороны, накормить голодающих людей, с другой — помочь поднятию нашей промышленности — в Москве, Уфе, Челябинске». Кроме того, газета в заметке «Дар рабочим от рабочих Америки» сообщала об «Обществе друзей России в Америке», которое собиралось «совершить сельскохозяйственную экспедицию в Москву в составе 21 трактора с необходимыми запчастями, арендовать около 25 тыс. земли Поволжья и обязалось произвести запашку и обсеменение за свой счет, применить жатвенные машины и произвести сбор урожая. Весь урожай без всякой оплаты, совершенно безвозмездно экспедиция передает Советской России». Конечно, многие идеи выглядели фантастично, но в периодической печати все же можно найти информацию о реальной деятельности «АРА» — американской благотворительной организации, занимающейся доставкой продуктов в голодные районы губерний, вплоть до 1923 г.

Помощь голодающим, хотя и оказывалась, но была явно недостаточной. Об этом свидетельствует материал заметки «Помощь голодающим» в газете «Степная заря» от 24 октября 1922 г., где говорится: «У райпомгола оставалось 10 голов скота, который роздан семьям красноармейцев и бедней-

шим крестьянам и киргизам. Третья часть киргизского населения Адамовского района голодает и будет голодать, так как оно не имело посевов и не имеет скота. Положение тяжелое» [15]. Одним из способов оказания помощи голодающему населению было переселение его в более благополучные местности. Несмотря, однако же, на все старания Губпомголода, сделать это почти не удалось. Тысячи голодающих из других губерний (по неполным сведениям — 7500) остались в Кустанае, селах и аулах губернии. Губэваком отправил 867 беженцев, губоно эвакуировало 1835 детей из детских домов.

Редакции газет и сами активно вели сборы средств в помощь голодающему населению. Так, редактор Берковский сообщал, что в контору кустанайской газеты «Степь» «поступило для голодающих от беспартийных киргиз Кенаральской волости Кустанайской губернии: 4 золотых кольца, 2 серебряных, денег серебром на 4 р. 10 коп., от т. Щерба — 1 георгиевский крест 4 степени и серебряную медаль 4 степени» [12; 1922, № 62]. Властью использовались и другие источники дохода: национализированное имущество и средства церквей и «кулаков» и т.д.

Какие же выводы делали власти из создавшегося тяжелого положения? В одной из газет опубликован официальный взгляд властей на эти события: «Голод оказал большое влияние на всю жизнь нашей губернии. Произошло много изменений. И все эти изменения в различных сторонах хозяйственной жизни — отрицательного характера... Положительная сторона здесь — толчок, который получило сознание масс. Весьма многие яснее стали разбираться в причинах голода, стали понимать, что он не от Бога, а от самого населения, не умевшего обращаться с землей и приведшего ее к полному истощению» [9; 1923, № 23]. Мягко говоря, сомнительный вывод, перекладывающий вину за случившееся на его жертвы.

В Постановлении ЦК РКП (б) за подписью В.Молотова и А.Бубнова, опубликованном в «Бюллетене Кустанайского комитета РКП (б)» за 25 ноября 1922 г. говорится, что «борьба с голодом превращается в борьбу с последствиями голода», а следовательно, «лозунгами являются теперь: борьба за крестьянскую лошадь, за плуг, за семена, борьба с детской беспризорностью, с проституцией, безработицей...». Возможно, и от не зависящих от «системы» обстоятельств лозунги долгое время оставались таковыми: даже к 1923 г., по сообщениям кустанайской газеты «Красная степь», «последствия голода еще не изжиты: голодная масса, а также крестьяне, прибывшие с Украины, по-прежнему эксплуатируют бедное киргизское население» [13; 1922, № 65].

В отчете губкома «О хозяйственном положении губернии», опубликованном в «Известиях губкома» в ноябре 1922 г., говорилось; «В хозяйственном отношении наша губерния продолжает чувствовать напор всех последствий предыдущего неурожая и голода. Население губернии сократилось по сравнению с 1920 годом на 29 процентов. Площадь пашни по сравнению с 1919 годом сократилась на 69–72 процента. Количество хозяйств сократилось на 26 процентов. Убыль скота: лошадей — 73 процента, рабочего скота: волов и верблюдов — 58 процентов, коров — 50 процентов, молодняка — 69 процентов и овец — 65 процентов. Это бедствие, — делал выводы губком, — обессиливает нас на долгие годы» [11; 1922, № 139].

Последствия голода были продолжительными. По материалам Государственного архива города Астаны, Акмолинская уездная комиссия по оказанию помощи голодающим г. Акмолинска осуществляла свою работу в 1924 г. и рассматривала дела о помощи голодающим, прибывшим уже из южных регионов (Карагандинской, Нуринской, Захаровской, Асан-Кайгинской, Сарыаркинской, Сарысульской, Кургальдинской волостей). По данным комиссии, «число голодающих доходит до 12 тысяч..., голодающие переселенцы толпой приходят... и просят помощи, ...из своего региона пробиваются в город» [16; л.1]. По результатам заседания комиссии 1 апреля 1924 г. было принято решение «предложить Общему отделу и Станичному сельсовету срочно приступить к обследованию голодающих в городе и выдать документы, по которым они получают продукты, «организовать подкомиссию при Укомиссии из трех человек представителей от Уздрава, Упрофсовета и Горсовета, под председательством представителя горсовета, которые должны будут определять факт голодовки того или иного обращающегося и выдавать таковым документы, по которым и производить выдачу пособий,...голодающих уезда прикрепить к их родственникам и баям». [16].

Жители городов приняли активное участие в судьбе голодающих. Так, 17 мая 1924 г. на общем собрании граждан-мусульман города Акмолинска было предложено взять группу голодающих и распределить таковых по зажиточным гражданам города, определив «на свое иждивение как трудоспособных, так и нетрудоспособных (стариков, детей)». Комиссия отметила, что «безусловно, трудоспособные, находясь у того или иного гражданина на прокормлении, будут по своим силам выполнять

разные мелкие работы». Также горожанами было принято решение «провести через профорганизацию собрание служащих и рабочих с тем, чтобы таковые производили ежемесячно отчисления в пользу голодающих на заработки, а так равно провести собрания между обывателей города и торговцев с призывом помочь голодающим» [17].

Таким образом, изучив влияние голода на повседневную жизнь городов Северного Казахстана, в частности, на примере городов Кустаная и Акмолинска, мы видим, что нет жестких границ между деревней и городом. Бедствием был охвачен весь регион. Все силы жители бросали на борьбу с голодом, активно участвовали в работе комитетов помощи голодающим, в сборе благотворительных средств, давали приют голодающим старикам и детям.

Список литературы

- 1 *Касымбаев Ж.К.* История Акмолы (XIX – начало XX века) [Текст]: исследования, источники, комментарии / Ж.К.Касымбаев, Н.Ж.Агубаев. — Алматы: Жеті жарғы, 1998. — 174 с.
- 2 *Алтысбаева Г.А.* История города Акмолы (1832–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Алматы, 1997.
- 3 Костанайская область: прошлое и настоящее [Текст]: В 2 ч. / Под ред. И.К.Тернового. — Костанай: Печатный двор, 2001. — Ч. 1. — 401 с.
- 4 Кустанай-Костанай. Очерки истории. С древнейших времен до 1936 года. — Костанай: Костанайполиграфия, 2012. — 608 с.
- 5 *Алексеев А.Н.* Население Казахстана. 1920–1990 гг. — Алматы: Ғылым, 1993. — 126 с.
- 6 *Мальшиева М.П.* Казахи в Сибири в период демографических кризисов (1919–1934 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Алматы, 2002.
- 7 *Черныш П.М.* Очерки истории Костанайской области. — Костанай: Печатный двор, 1995. — 180 с.
- 8 Повстанец: Газета. — Кустанай. — 1920. — № 2.
- 9 Красная степь: Газета. — Кустанай. — 1920, 1923–1924.
- 10 Государственный архив Костанайской области (ГАКО). — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 112. — Л. 53.
- 11 Известия Кустанайского губернского комитета РКП(б): Газета. — Кустанай, 1921–1924.
- 12 Степь: Газета. — Кустанай, 1921–1922.
- 13 Бюллетень 3 Кустанайского съезда Советов: Газета. — Кустанай, 1921.
- 14 Советское строительство: Газета. — Кустанай. — 1921. — № 45.
- 15 Степная заря: Газета. — Кустанай. — 1922. — № 67.
- 16 Государственный архив города Астаны (ГАА). — Ф. 112. — ОП. 1. — Д. 4. — Л. 2.
- 17 ГАА. — Ф.112. — ОП. 1. — Д. 4. — Л. 4.

М.М.Қозыбаева

1921–1922 жылдардағы ашаршылықтың Солтүстік Қазақстан қала тұрғындарының күнделікті өміріне әсері

Мақала авторы 1920-жылдардың басындағы ашаршылықтың Солтүстік Қазақстан қала тұрғындарының күнделікті өміріне әсерін зерттеген. Бұл аймақтың таңдалуы бекер емес, себебі осы өңірде халық шығынының көп болуы өнімнің шықпауымен және азаматтық соғыстың болуымен тікелей байланысты. Қалалар аштықтан зардап шеккендерге көмек көрсетумен және аштықты жою үшін арнайы қаражат жинады. Мұрағат қорларының құжаттары мен периодикалық баспа материалдарына кеңінен сараптама жасалып, қалалар мен уездік орталықтарда ашаршылықпен күресу үшін ұйымдастырылған іс-шаралар мен қайырымдылық акциялары жайлы баяндалды.

M.M.Kozybayeva

The influence of famine in 1921–1922 yy. on everyday life of the urban population in Northern Kazakhstan

Author in the article studies the issue of influence of famine of the early 1920s on the everyday life of cities in Northern Kazakhstan. The region was chosen by chance, because large population losses observed here due to loss of lean years and during the Civil War. Cities actively participated in the organization of famine relief, were engaged in collecting the necessary funds for the elimination of hunger. Author in a scientific paper gives a detailed analysis of archival materials and periodical materials telling about events in cities and district centers to combat hunger, as well as charities.

References

- 1 Kasyimbayev Zh.K. *History of Akmola (XIX – early XX century) [Text]: research, sources, comments* / Zh.K.Kasyimbayev, N.J.Agubayev, Almaty: Zhety Zhargy, 1998, 174 p.
- 2 Alpysbayeva G.A. *History of the city of Akmola (1832–1917): Author. disser. candidate historic. sciences*, Almaty, 1997.
- 3 *Kostanay: past and Present [Text]: 2 hrs / Ed. I.K.Ternovoi*, Kostanay: Printing House, 2001, 1, 401 p.
- 4 *Kustanay-Kostanay. Essays of history. From ancient times to 1936*, Kostanay: Kostanaypoligrafiya, 2012, 608 p.
- 5 Alekseenko A.N. *The population of Kazakhstan. 1920–1990*, Almaty: Gylm, 1993, p. 126.
- 6 Malysheva M.P. *Kazakhs in Siberia during the demographic crises (1919–1934). Abstract. dis. historic. sciences*, Almaty, 2002.
- 7 Chernysh P.M. *Essays on the History Kostanai region*, Kustanaj: Printing House, 1995, p. 180.
- 8 *Rebel. Newspaper*, Kustanai, 1920, 2.
- 9 *Red steppe. Newspaper*, Kustanai, 1920, 1923–1924.
- 10 *State Archives of Kostanai region (SAKR)*, f. 24, in. 1, f. 112, fol. 53.
- 11 *Proceedings of Kustanai Provincial Committee of the RCP (b). Newspaper*, Kustanai, 1921–1924.
- 12 *Steppe. Newspaper*, Kustanai, 1921–1922.
- 13 *Bulletin 3 Kustanai Congress of Soviets. Newspaper*, Kustanaj, 1921.
- 14 *The Soviet construction. Newspaper*, Kustanai, 1921, 45.
- 15 *Prairie Dawn. Newspaper*, Kustanai, 1922, 67.
- 16 *The State Archives of the city of Astana (SAA)*, f. 112, in. 1, f. 4, fol. 2.
- 17 SAA, f. 112, in. 1, f. 4, fol. 4.